

П. 152 (459 кр)
Рк с-89

н. 319

РЕЛИГИОЗНО-МИОИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

61. XXII

Н. О. Сумцова.

Д. Павлов

(Издание редакци „Кіевской Старины“).

КІЕВЪ.

1885.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., с. домъ.

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ +

B52291

Шифр РГТ52(459кп).С89 Инв.№ 2859714

Автор Сумцов Н.Ф.

Назва Ремешно-мифическое
значение малорусской свадьбы.

Місце, рік видання К., 1885.

Кіл-ть стор. 20 с.

-||- окр. листів _____

-||- ілюстрацій _____

-||- карт _____

-||- схем _____

Том _____ частина _____ вип _____

Конволют _____

Примітка: Мног помет

13.06.2006,

Шольс -

2007

12.ХІ. - Сопр^т
87см

13.ХІ. - 1 -

2008

1.10 - 148с

РЕЛИГИОЗНО-МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

Г
2
4
7
8
9
7
1
4
4
2

Къ торжественнымъ днямъ бракосочетанія приурочено множество разнообразныхъ повѣрій, примѣтъ, пѣсенъ, обрядовъ и поговорокъ, въ совокупности выражающихъ не только общую психологию, свойственную всѣмъ народамъ на определенной ступени образованія и культуры, но и психологию опредѣленнаго народа, напримѣръ, малорусскаго, великорусскаго, польскаго, другими словами, обрисовывающихъ въ совокупности то особое направленіе духовной дѣятельности народа, которое обусловлено всей бытовой его обстановкой, особенностями климата, почвы, труда. Свадьба въ цѣлости, со всѣми своими религіозно-мифическими, религіозно-христіанскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служитъ довольно полнымъ и весьма яркимъ проявленіемъ личности народа, какъ живаго организма, выраженіемъ его матеріальной и соціальной развитости и культуры.

Свадебные обряды и пѣсни давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ разныхъ спеціальностей, и литература предмета представляется громадной.

Историки быта останавливаются на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ силу того обстоятельства, что пѣвцы свадьбы завязывали узлы обществу, поддерживали ее и развивали, содѣйствовали сближенію людей на почвѣ общей молитвы и общаго веселья, вообще были однимъ изъ главныхъ двигателей древней гражданственности.

Археологи и мифологи рассматривают свадебные обряды, как достопримечательные ископаемые народного быта или как нуждающиеся в научном разъяснении символы обоготворения внешних сил и явлений природы.

Исследователи словесного народно-поэтического творчества стремятся или, по крайней мере, начинают стремиться к сравнительно-критическому исследованию свадебных песен, с целью определить их внутреннее единство и пути распространения и затѣм указать на связь свадебных песен с колясками, заговорами, загадками и сказками.

Этнографы с живым интересом относятся к свадебным песням и обрядам на том основании, что в них просвѣчивают краевые особенности русского народного духа. В странѣ столь обширной, как Россія, областная жизнь в прошлом и настоящем должна представлять немало разнообразия. Вопрос о разностороннем изучении краевых особенностей имеет не только научную важность, но и серьезное общественное значение, так как это изучение должно привести к известному равновѣсію в степени жизненности областей и центров.

В языкѣ и бытѣ индоевропейских народов свадьба имеет значение величайшаго на землѣ веселья и торжества. В языках малорусском, сербском, польском, в старинных русских летописях брачное торжество носит характерное название веселья. Весьма распространено выражение «играть свадьбу», причем слово «играть» указывает на проявление вакхического экстаза и сильное напряжение жизненных сил. Значение свадьбы, как величайшаго, доступнаго человеку, веселья, сложилось в древнюю эпоху под непосредственным влиянием религиозно-мифических возрѣній на творческие силы внешней природы и естественныя проявления половой зрѣлости физической природы человека. «Природа, — это живой предмет, говорит Карлейль, предмет невыразимый и божественный, перед которым лучшее наше положение есть благоговѣніе». Къ такому возрѣнію на природу знаменитый англійскій ученый пришел путем отвлеченнаго мышления, построеннаго на пантеистических началах германской философіи. Для древняго чело-

вѣка, въ частности славянина, мысль о божественности природы вытекала непосредственно изъ всей окружающей его міровой и бытовой обстановки. Со всѣхъ сторонъ охваченный могущественной внѣшней природой, онъ на каждомъ шагу ощущалъ свою отъ нея зависимость, сознавалъ по доводамъ горькаго житейскаго опыта ея капризное и деспотическое господство во всѣхъ проявленіяхъ сельскохозяйственной, даже семейной и общественной жизни. Судьба его, его благосостояніе, миръ его души, его радости и печали были обусловлены обстоятельствами, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни отворотить, въ случаѣ неприятнаго ихъ склада. Древній человѣкъ не исчезалъ во внѣшней природѣ и даже не всегда покорно склонялъ голову передъ ея велѣніями и мановеніями. Онъ постоянно стремился освободиться изъ-подъ ея гнетущей власти, обуздать ея произволь силой своего разума, по крайней мѣрѣ, отгадать ея тайны и такъ или иначе, молитвой или заклинаніемъ, жертвоприношеніемъ или угрозой, обратить ея могущественныя силы въ свою пользу, и въ этомъ свѣтломъ стремленіи онъ мало по малу успѣвалъ. Прокладывая пути для своего развитія, преслѣдуя цѣли улучшенія по всѣмъ направленіямъ жизни и быта, внося нравственно-гуманитарное начало въ пользованіе матеріальными благами, доставляемыми землей-кормилицей, древній человѣкъ, подобно человѣку современному, измѣнялъ извѣстныя сочетанія природныхъ явленій сообразно съ своими матеріальными нуждами и духовными потребностями. Все это однако происходило чрезвычайно медленно, постепенно, съ громадной затратой силъ и труда. Господство человѣческой мысли надъ грубой міровой матеріей и созданіе или сочетаніе ея элементовъ въ такія благопріятныя для человѣка отношенія, какихъ внѣшняя природа не можетъ представить помимо человѣческой воли и многовѣковыхъ усилій творческаго разума, при постоянно усиливавшемся теченіи нравственно-гуманитарныхъ идей, отъ перваго шага въ устраненіи канибализма до евангельскаго требованія возлюбить ближняго, какъ самого себя,—такого рода побѣда человѣка надъ внѣшнимъ міромъ и животной стороной собственной природы является результатомъ многовѣковой культуры.

Религіозно-миѣческая свадьба возникаетъ въ героическій періодъ жизни человѣчества, въ періодъ значительнаго подъема духовныхъ силъ и широкаго развитія поэтическаго воззрѣнія на природу.

Грубое насиліе со стороны мужчины и тупая покорность со стороны женщины, характеризующія дикую эпоху коммунальнаго брака и полудикую эпоху «умыканія», отошли въ примитивную древность и сохранились лишь въ формѣ большею частью безсмысленнаго обряда. Въ бракъ вмѣшалась уже религія и освятила и очистила его. Коммунистическій бракъ совпадалъ съ самой грубой формой фетишизма, съ крайней матеріальной бѣдностью и умственнымъ ничтожествомъ. Но лишь только улучшилась жизнь бытовая, съ появленіемъ огня и опьяняющихъ напитковъ, съ прирученіемъ животныхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ культурнаго воздѣлыванія дико-растущихъ хлѣбныхъ злаковъ, высоко поднялся общій уровень матеріальнаго благосостоянія, соотвѣтственно съ тѣмъ поднялся весь строй міровоззрѣнія, и грубый фетишизмъ возвысился до весьма высокой сравнительно съ нимъ формы обоготворенія небесныхъ свѣтилъ, съ перенесеніемъ на нихъ всего лучшаго, что было на землѣ, и прежде всего семейныхъ связей и отношеній.

Въ благоговѣйномъ созерцаніи обоготворенной природы славянинъ небесное и земное сливалъ въ одно нераздѣльное цѣлое, внушительное и таинственное. Событія человѣческой жизни были перенесены на небо; небесныя явленія приближены къ скромному человѣческому существованію. Съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной формы соединенія двухъ половъ, возникло вѣрованіе въ супружескія связи неба и земли, солнца и земли, солнца и мѣсяца, мѣсяца и вечерней звѣзды, причемъ солнце и мѣсяць или выступаютъ, какъ отзвукъ коммунальнаго брака, являются не только мужемъ и женой, но и братомъ и сестрой, съ прямымъ смѣшеніемъ брачной связи съ связью родственной по крови, или выступаютъ исключительно супругами, имѣя дѣтьми звѣзды, что соотвѣтствуетъ историко-культурному различенію брачной связи отъ связи родственной по крови, различенію, выразившемуся въ исторіи брака въ видѣ весьма распространенной формы экзогаміи. Небесныя свѣтила получили значеніе живыхъ, человѣкоподобныхъ существъ, любящихъ другъ друга, по временамъ страдающихъ ревностью, впадающихъ въ гнѣвъ, не чуждыхъ зависти. Они не замедлили въ зооморфической или чаще антропоморфической формѣ явиться верховными устронителями человѣческаго брака, причемъ придали по-

слѣдному величіе и блескъ, облили его небеснымъ свѣтомъ радости и силы.

Время бракосочетанія поставлено было въ зависимость отъ извѣстныхъ солярныхъ явленій. Весною и лѣтомъ въ природѣ торжествуеть благотворный повелитель планетной системы—солнце, выражавшее собой начало свѣта, тепла, производительности, добра, поэзій. Празднуя обновленіе и оплодотвореніе земли, земледѣлецъ язычникъ въ то-же время въ самомъ себѣ чувствовалъ обновленный позывъ къ любви, къ супружеству, къ основанію семьи. Свадьба получила значеніе міроваго торжества и веселья. Боги и люди принимали въ немъ дѣятельное участіе. Всѣ предметы царства растительнаго и царства животнаго сливались въ одномъ неудержимомъ стремленіи къ любви и производительности. Внѣшняя природа, какъ-то: свѣтила небесныя, флора и фауна, все это, отъ ливанскаго кедра до послѣдней полевой былинки и дождеваго червяка, непосредственно было заинтересовано въ здоровьѣ и благополучіи невѣсты и обнаруживало самое теплое ей сочувствіе, не чуждое мистической таинственности и поэтической прелести. Грандіозное языческое возрѣніе на всеобъемлющую сущность свадьбы превосходно выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ древне-индусскомъ изреченіи, которое жрецъ произносилъ передъ отъѣздомъ молодой замужней женщины изъ родительскаго дома въ домъ новобрачнаго: «Всѣ травы, рѣки, поля и лѣса тебя, несущую мужу потомство, сохранять отъ вреда»¹⁾.

Г. Кавелинъ высказалъ мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо²⁾. Мнѣніе это подтверждается свидѣтельствами языка и народныхъ обычаевъ. Такъ, нѣмцы для обозначенія свадьбы имѣютъ слово *Hochzeit*, древ.-сакс. *hōgetidi*, слово, нѣкогда означавшее высшее и священное время въ году³⁾. У поляковъ «*gody*» —свадьба; у ниже-лужицкихъ сербовъ «*gody*» —праздникъ Рождества Христова⁴⁾. Изъ первоначаль-

¹⁾ *Weber*, Indische Studien. V. 394.

²⁾ *Кавелинъ*, Сочиненія. IV, 184.

³⁾ *Hamerle*, Salzburg. Hochzeit-gebr. 2.

⁴⁾ *Haupt u. Smoler*, Volkslieder. II, 270.

наго понятія *gody*—время возникло понятіе о времени праздничномъ по преимуществу, и празднованіе свадьбы названо тѣмъ-же словомъ, что и празднованіе Рождества Христова;—обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время совершеніе свадебъ было приурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Въ подтвержденіе мнѣнія г. Кавелина можно привести еще весьма замѣчательное по глубокой архаичности обыкновеніе македонскихъ болгаръ мяяковъ назначать для обрученія и свадьбы одно опредѣленное время въ году. Того, кто обручается или женится не въ установленное время, община наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человѣкомъ¹⁾. Въ древности уклоненіе подобнаго рода, вѣроятно, было невозможнымъ по самому существу дѣла. Виновный являлся своего рода изгоемъ, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, и потому былъ и несчастнымъ и преступнымъ, и община могла карать виновнаго смертью или изгнаніемъ.

Присутствіе боговъ на свадьбѣ представлялось или посредственнымъ или непосредственнымъ. Первое выражалось символически посредствомъ корова, вѣнка, зажженной свѣчи или факела. Въ древности предметы эти въ обрядовомъ ихъ употребленіи имѣли почти такое-же значеніе и играли въ народной жизни почти ту-же роль, что въ позднее христіанское время предметы иконописи и религіозной скульптуры. Скульптурныя изваянія Спасителя и святыхъ, наполняющія храмы католической Европы, чувствуются во имя чувства, влекущаго благочестиваго католика къ тѣмъ, кого они изображаютъ; славяне, въ частности русскіе, считали себя внуками бога солнца, на что есть указанія въ Словѣ о полку Игоревѣ («Дажьбога внука»...) и въ народной поэзіи («Дѣдушка—солнышко, выгляни въ окошечко» и проч.). Естественно, славяне дорожили короваемъ и вѣнкомъ, какъ ближайшими къ человѣку вещественными подобіями или символами своего божественнаго и вѣчнаго предка, всевѣдущаго дѣда. Внѣшнее сходство между языческими и христіанскими вещественными символическими выраженіями божества можетъ быть проведено даже въ подробностяхъ, въ наглядныхъ параллеляхъ. Передъ иконописными и скульптурными изображеніями Спасителя и святыхъ становятся на колѣни, прикладываютъ къ нимъ голову и лобызаютъ

1) *Верковичъ*, Опис. быта болг. 1868 г., 8.

ихъ. Въ юго-западной Россіи и въ Галиціи преклоняють голову передъ короваемъ и цѣлуютъ его. Въ народныхъ легендахъ преступникъ въ сознаніи своей виновности не рѣшается приложиться ко кресту или иконѣ. Въ старинной галицкой пѣснѣ молодая женщина, убившая своего незаконнорожденного ребенка, не рѣшается надѣть на голову вѣнокъ, вслѣдствіе чего и открывается ея преступленіе. Подобно тому, какъ въ христіанское время грубый умъ символъ предмета принималъ за самый предметъ и впадалъ въ поклоненіе дереву и камню, а не духу и истинѣ, упуская основное христіанское ученіе, что *Богъ есть духъ*, и въ дѣтски-наивной и довѣрчивой древности символическій образъ божества заслонялъ собой самое божество и, принявъ на себя всѣ главныя его черты и особенности, дѣлался самостоятельнымъ предметомъ поклоненія. Коровой и вѣнокъ, какъ символическія выраженія покланяемаго и славимаго божества, явились звеномъ общественнаго соединенія и знаменемъ религіи, нравственнаго добра, поэзіи. Это былъ языкъ краткій и простой, но понятный каждому. Благодаря, между прочимъ, этимъ предметамъ, люди понимали другъ друга и сходились на одной общей мысли.

Вѣрованіе въ невидимое личное присутствіе на свадьбѣ обоготворенныхъ небесныхъ свѣтилъ вполне отвѣчало складу древняго народнаго міросозерцанія, признававшего самое близкое и подробное участіе божества въ дѣлахъ людей. Красное солнышко въ томъ или другомъ антропоморфическомъ образѣ приготавливало приданое и снаряжало молодыхъ къ вѣнцу. Свѣтлый мѣсяцъ съ своей лучезарной сугругой—вечерней звѣздой выдавали дѣвушку замужъ и надѣляли ее счастьемъ—долей.

Съ цѣлью задобрить боговъ—покровителей брака и расположить ихъ въ пользу новобрачныхъ имъ предлагали угощеніе. Предметы и приемы кормленія боговъ измѣнялись съ развитіемъ культуры, сообразно съ мѣстными условіями домашняго быта и со степенью зажиточности вступающихъ въ бракъ. Въ древнѣйшее время, при господствѣ пастушескаго быта, жертвоприношеніе богамъ состояло въ закланіи животныхъ, преимущественно коровы, и въ возліаніи молока. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта стало преобладать жертвоприношеніе хлѣба. Въ пустынныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ грубыя формы жертвоприношенія удерживались долѣе, чѣмъ

въ странахъ, самой природой расположенныхъ къ производительному труду, или странахъ по бойкому водному торговому пути. По консервативности быта, въ особенности въ дѣлахъ религіозныхъ, богатые люди и въ періодъ земледѣльской культуры предпочитали животныя жертвоприношенія, причемъ подъ ножъ шли крупныя животныя, часто корова или быкъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ большомъ даже числѣ (гекатомбы). Бѣдные люди поневолѣ ограничивались жертвоприношеніемъ мелкихъ животныхъ, чаще всего пѣтуха. Но такъ какъ жертвоприношеніе коровы въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо, по религіозно-мифическимъ представленіямъ, связаннымъ съ этимъ животнымъ, и въ то же время матеріальныя средства не допускали такой, такъ сказать, роскоши, то возникло обыкновение приносить въ жертву ^{ея} ~~ихъ~~ изображенія ^е изъ тѣста. Самое жертвоприношеніе хлѣба прошло нѣсколько ступеней развитія, согласно съ способами приготовленія хлѣбной пищи. Можно думать, что прежде чѣмъ появился хорошій печеный хлѣбъ, на низшей ступени земледѣльской культуры въ пищу, а слѣдовательно и для жертвоприношенія употреблялись или хлѣбныя зерна, болѣе или менѣе поджаренныя, или хлѣбная каша, т. е. тѣ же поджаренныя хлѣбныя зерна, только въ размельченномъ и смоченномъ водой видѣ.

Жертвоприношеніе богамъ не ограничивалось животными, хлѣбомъ, молокомъ и опьяняющими напитками, какъ то: сомой у индусовъ, гаомой у иранцевъ, винограднымъ виномъ у греко-италійцевъ, пивомъ и медомъ у германцевъ и славянъ. Въ число важныхъ предметовъ жертвоприношенія входили также волосы ребенка или новобрачныхъ. Волоса были приносимы въ смыслѣ *pars pro toto*; по внутреннему своему значенію, это прямая замѣна жертвоприношенія человѣка, такого рода религіозно-мифическое и бытовое явленіе, которое слѣдуетъ непосредственно за эпохой канибализма, какъ проявленіе значительной степени культуры. Общеизвѣстнымъ проявленіемъ жертвоприношенія волосъ служатъ постриги младенца и обрѣзываніе или только подрѣзываніе косы невѣсты передъ вѣнчаніемъ. Спенсеръ и Тэйлоръ сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ проявленій жертвоприношенія волосъ солнцу среди дикихъ и варварскихъ народовъ: отрѣзываютъ клокъ волосъ и бросаютъ его вверхъ, точно также, какъ нынѣ на свадьбахъ плескаютъ вверхъ

въ поголокъ виномъ; по основному своему значенію обряды эти тождественны. Бросаніе вверхъ волосъ и брызганіе молокомъ или опьяняющимъ напиткомъ были однимъ изъ многочисленныхъ проявленій обрядовой обстановки жертвоприношенія.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ есть прямыя указанія, что жертвоприношеніе сопровождалось слѣдующими торжественными дѣйствіями: поднимались и опускались, клали на молодыхъ правую руку, обращались въ правую сторону, соблюдали круговращательное движеніе или танецъ, приводившій при усиленномъ темпѣ въ вакхическій религіозный экстазъ.

Приношеніе яствъ и напитковъ богамъ сопровождалось торжественными молитвами и гимнами. Поэтическая сила славянъ никогда не истощалась. Измѣнялись лишь внѣшнія формы поэтического творчества, согласно съ измѣненіемъ культуры. Всѣ проявленія мысли и чувства изливались въ формѣ болѣе или менѣе восторженной пѣсни, принимали стихотворный ритмъ, что въ значительной степени зависѣло отъ внутренней пластичности и образности самаго языка. Языческая молитва по содержанию близко подходит къ заговору. Она имѣла стихотворную форму и пѣлась однимъ лицомъ или, болѣею частью, цѣлымъ собраніемъ молящихся. Въ древнее время многія свадебныя пѣсни представляли собой молитвы, обращенныя къ богамъ покровителямъ брака и заключавшія въ себѣ просьбу новобрачныхъ и всего ихъ рода о ниспосланіи имъ богатства и чадородія. Были особаго рода религіозныя пѣсни, *certa et solemnia verba* римлянъ, свободныя отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Въ нихъ воспѣвался небесный бракъ, какъ священный прототипъ брака человѣческаго. Между молитвами и религіозными пѣснями не было рѣзкой разграничительной черты, и религіозная пѣсня въ честь и славу боговъ легко переходила въ молитвенную просьбу о ниспосланіи благъ земныхъ, какъ это, между прочимъ, можно и нынѣ видѣть въ колядкахъ, гдѣ прославленіе солнца и мѣсяца послѣдовательно переходитъ въ прославленіе домохозяина и его жены. Музыка существовала изетари; только въ древности она не имѣла самостоятельнаго значенія и служила акомпаниментомъ пѣнію.

Культъ солнца проникаетъ весь свадебный ритуалъ славянскихъ народовъ, и культу громовника и домашнего огня или печи

остается здѣсь немного мѣста. Въ свадебныхъ обрядахъ сохранились черты древеснаго анимизма и даже обоготворенія предметовъ растительнаго міра. Поклоненіе деревьямъ сказалось, между прочимъ, въ малорусскихъ и великорусскихъ свадьбахъ, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что русская страна въ древности была покрыта дремучими лѣсами, дѣйствовавшими импонирующимъ образомъ на духъ древняго русскаго земледѣльца.

Выдающееся положеніе солнца въ свадебныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ обусловлено было ихъ преданностью земледѣлію. Хлѣбопашцу естественно твердо стоять въ томъ убѣжденіи, что «alles keimet in der Sonne zu der Bauern Lust und Wonne» (слова Г. Гейне). Солнце даетъ свѣтъ и теплоту. Съ восходомъ солнца вся природа пробуждается отъ ночнаго сна. Весенніе лучи солнца побѣждаютъ суровую зиму и ведутъ за собой «тихихъ майскихъ теплыхъ дней румяный, свѣтлый хороводъ» (слова Ѳ. Тютчева). Люди науки движенія земнаго шара и окружающей его атмосферы, проявленія органической жизни на землѣ, экономической и социальной строй народовъ ставятъ въ полную зависимость отъ великаго повелителя планетной системы. Гершель полагалъ, что цѣна пшеницы зависитъ отъ солнечныхъ пятенъ. По мнѣнію Гана, появленіе саранчи совпадаетъ съ *minitum* ома солнечныхъ пятенъ. Древній человѣкъ, по настоятельнымъ доводамъ житейскаго опыта, дошелъ до признанія солнечнаго могущества и посильно выразилъ его въ религіи. При полной зависимости человѣка отъ положенія солнца, культъ солнца естественно получилъ въ жизни культурныхъ земледѣльческихъ народовъ громадное значеніе и выразился во всѣхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной жизни народовъ, въ вѣрованіяхъ, священныхъ дѣйствіяхъ и манипуляціяхъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, молитвахъ, заговорахъ, поговоркахъ и на всѣхъ крупныхъ проявленіяхъ семейной и общественной жизни, на родинахъ, на свадьбахъ, на жатвѣ, на годовыхъ праздникахъ, на общественныхъ шарахъ, на похоронахъ.

Религіозно-мифическіе элементы свадьбы у однихъ славянскихъ народовъ сохранились лучше, у другихъ слабѣе. Юго-восточные славяне въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативными, чѣмъ славяне западные.¹

По обилію религіозно-миѳическихъ элементовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ свадьбы малорусская и бѣлорусская, преимущественно первая. Южно-русская свадьба отличается торжественностью и цѣльностью; пѣсни и обряды распределены довольно равномерно по всеѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различіе между отдѣльными актами свадебной драмы. Любопытной особенностью малорусской свадьбы представляется обиліе хлѣбныхъ обрядовъ и хлѣбныхъ пѣсень. Обрядовое употребленіе хлѣба на малорусской свадьбѣ не представляется сухой и безсмысленной формальностью. Оно оживлено и объяснено пѣснями и, благодаря пѣснямъ, представляется въ большинствѣ случаевъ явленіемъ живымъ и органическимъ, съ плотью и кровью ¹⁾).

Великорусской свадьбы, какъ цѣльнаго и своеобразнаго проявленія всего великорусскаго быта, нѣтъ. Въ научномъ отношеніи слѣдуетъ строго отличать свадьбу средне-русскую отъ сѣверно и восточно-русской. Между ними мало сходства. Средне-русская свадьба имѣетъ общеславянскій характеръ, походить на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по пѣснямъ, такъ и по обрядамъ. Россія сѣверная и сѣверо-восточная относительно свадебнаго ритуала представляетъ нѣчто исключительное въ славянскомъ мірѣ, весьма своеобразное. Обряды немногочисленны и однообразны. Пѣсни чрезвычайно длинны и тоскливы. «Вытье» невѣсты и ея подругъ наполняетъ брачный пиръ. На свадьбѣ первую роль играетъ колдунъ. Всѣ его боятся, угощаютъ и ублажаютъ. Колдунъ чванится и ломается, задаетъ тонъ всей свадьбѣ и подчасъ деспотически командуетъ молодыми и поѣзжанами. Обрядовый хлѣбъ на великорусскихъ свадьбахъ представляется явленіемъ второстепеннымъ. Важную роль здѣсь играетъ, между прочимъ, баня. Вообще, во всеѣмъ строѣ и тонѣ сѣверно-русской свадьбы проглядываетъ что-то суровое, жесткое и тоскливое ²⁾).

¹⁾ Главные источники для ознакомленія съ малорус. свадьбой: сборники Чубинскаго и Головацкаго; этнограф. сборники; Основа 1862 г., IV; Кіевск. Старина 1883 г., II; Nowosielski, Lud ukraiń., I—II.; Воронежская Бесѣда.

²⁾ О великор. и бѣлорус. свадьбахъ см. Шейна, бѣл. пѣс.; Этногр. Сборн.; Терещенко, Бытъ рус. нар., II; Пермск. Сборникъ, II; разн. журн. и газет. статьи. Особ. много въ Губ. Вѣд. Подроб. перечисл. въ «Обычн. правѣ» Якушкина.

Характерной особенностью болгарской свадьбы представляется *кишкекъ* или каша пшеничная, приготовленная торжественнымъ образомъ. *Кишкекъ* представляется древнѣйшей формой жертвоприношенія хлѣба. Рядомъ съ *кишкекомъ* стоитъ *кравай*. Замѣчательна еще болгарская *бука*, какъ остатокъ жертвоприношенія волосъ ¹⁾.

Въ сербской и хорватской свадьбахъ сохранились многія черты древняго поклоненія домашнему очагу ²⁾.

Въ чешской свадьбѣ характерную роль играетъ пѣтухъ. Вообще въ Чехіи изъ древняго быта полнѣ всего сохранилось жертвоприношеніе пѣтуха богамъ ³⁾.

Польская свадьба растеряла почти все древнее, архаическое. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ болѣе или менѣе роскошныхъ угощеній родныхъ и знакомыхъ новобрачныхъ ⁴⁾.

Главныя религіозно-мифическія черты малорусской свадьбы проявились въ высоко торжественномъ и обрядовомъ приготовленіи и употребленіи *коровая*. Свадебный коровай играетъ также важную роль въ Бѣлоруссіи, Болгаріи (кровай) и Сербіи (краваль). По удачному выраженію Новосельскаго, въ короваѣ «скрывается великая общественно-религіозная тайна славянскихъ народовъ» ⁵⁾. О свадебномъ короваѣ я уже два раза имѣлъ случай подробно говорить въ печати; въ магистерской моей диссертациі «О свадебныхъ обрядахъ» 1881 г. подробно изложенъ порядокъ приготовления и употребленія свадебнаго хлѣба у разныхъ славянскихъ народовъ. Здѣсь указаны четыре религіозно-мифическія и бытовыя стороны свадебнаго коровай: 1) коровай, какъ предметъ жертвоприношенія богамъ, 2) коровай, какъ символъ небесныхъ супруговъ солнца и мѣсяца, 3) коровай, какъ символъ жениха и невѣсты и 4) коровай, какъ символъ благополучной домашней жизни. Въ изслѣдованіи «Обрядовое употребленіе хлѣба» 1885 г. я подробно остановился

¹⁾ О болгар. свадьбѣ см. у Верковича, Качановскаго, Чолакова, Каравелова, Княжескаго, Миладиновы (собраніе пѣсенъ и сборники обычаевъ).

²⁾ О сербской свад. см. Гласникъ 1867 г., V; Kanitz, Serbien, Rajaczich, Das Leben d. Südslav.

³⁾ О чешск. свад. см. Sumlork, Staroč. obyc. I; Erben, Prost. čes. pis.; Casop čes Musea 1859 g., I; Kulda, Swadba.

⁴⁾ О польск. свад. см. Kolberg, Lud; Wojcicki, Piesn. ludu.

⁵⁾ Nowosielski, Lud ukraiński. I, 167.

на первой сторонѣ свадебнаго хлѣба. Я высказалъ здѣсь мнѣніе, что громадная роль въ славянскомъ, особенно въ малорусскомъ мірѣ корова обусловлена тѣмъ, что коровай замѣнилъ собою главное жертвенное животное арійцевъ—корову. Корова у арійцевъ имѣла огромное значеніе. Въ индійскихъ «Ведахъ» она очень часто упоминается по различнымъ поводамъ. Древніе арии время дня раздѣляли по тому, когда скотъ идетъ на пастбу, на водопой. Богатство опредѣлялось числомъ головъ рогатаго скота. Войны обыкновенно возникали изъ-за того, что одно родовое колѣно отнимало скотъ у другаго. Корову закалали въ жертву богамъ и на шкурѣ убитаго для жертвоприношенія животнаго сажали жениха и невѣсту. Наивное воображеніе пастушескаго народа усматривало коровъ даже въ облакахъ и звѣздахъ. Солнце и мѣсяцъ выступали въ такомъ случаѣ пастухомъ или быкомъ. Во всякомъ случаѣ, жертвоприношеніе коровы было до нѣкоторой степени роскошью, которую могли позволить себѣ люди богатые или съ достаткомъ. Бѣдность придумала замѣнить корову изображеніемъ ея изъ тѣста. Первоначально коровай представлялъ собою подобіе коровы. Не даромъ и теперь на свадьбахъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи сверху коровай налѣпливаютъ рожки и въ пѣснѣ поютъ: «А рогать я и богатъ—въ печь не влѣзу». Болгарская *боговица*, представляющая замѣну коровай, имѣетъ форму продолговатой булки—витушки съ рожками на концѣ. Въ Малороссіи торжественное приготовленіе коровай называется «бгати коровай», причеиъ слово «бгати», по моему мнѣнію, находится въ ближайшемъ родствѣ съ болгарскимъ названіемъ обрядоваго рождественскаго хлѣба *боговицей*. Какъ характерно встрѣчающееся въ Великороссіи, напримѣръ въ орловской губерніи, выраженіе «молить коровай», такъ не менѣе характерно малорусское выраженіе «бгати» коровай. Замѣчательно, что слово «бгати» прилагается лишь къ торжественно приготовляемому свадебному хлѣбу. Что для самаго народа слово «бгати» представляетъ нѣчто глубоко архаическое и непонятное, видно изъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи стремленія замѣнить его другими словами. Такъ вмѣсто «бгати» говорятъ гбати, гибати, вить, гафтовать. Въ большинствѣ случаевъ, однако, выдерживается правильно древняя форма «бгати», въ смыслѣ готовить коровай для Бога или, быть можетъ, боготворить. Въ Малороссіи, напримѣръ въ полтавской гу-

бернии, пекутъ еще на свадьбахъ въ дополненіе къ короваю, изрѣдка въ его замѣну, особый хлѣбъ: *дивень*, въ формѣ большаго бублика. Что *дивень* относится къ солнечному культу, видно, между прочимъ, не только изъ его круглой формы, но изъ того еще, что невѣста смотритъ черезъ него на востокъ. Полагаю, что *дивень* есть позднее сравнительно дополненіе къ короваю и возникъ собственно изъ эпитета коровай «дивный». Эпитетъ этотъ очень обыченъ въ коровайныхъ пѣсняхъ. Сначала былъ только «дивный коровай», т. е. свѣтлый, какъ солнце; потомъ получились «дивень» и «коровай»,— первый, впрочемъ, въ подчиненномъ положеніи.

Малорусское *вилце* или *шлице*—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, лѣтомъ яблоневая, грушевая, вишневая или черемуховая. Вильце украшаютъ обыкновенно дѣвушки, очень рѣдко парубки, каждую вѣточку украшаютъ небольшими букетами изъ калины, овса, барвинка, перевязываютъ цвѣтнымъ шелкомъ и лентами и втыкаютъ вильце въ свадебный хлѣбъ. Вильце стоитъ въ теченіи свадьбы въ красномъ углу. Обыкновеніе «вить вильце» встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно. Изрѣдка вильце встрѣчается въ Великороссіи, подъ названіемъ «дѣвья красота», въ Чехіи подъ названіемъ «stromek rajski», у кувлявъ подъ названіемъ «Jablonke». Свадебное вильце—символь жизни. Зеленое и украшенное выражаетъ молодыхъ, другими словами выражаетъ начало, разцвѣтъ новой жизни, супружество. Такое возрѣніе на бракъ свойственно разнымъ народамъ. У бедуиновъ Синая свать получаетъ отъ отца невѣсты, въ знакъ его согласія на бракъ, зеленую вѣтку и втыкаетъ ее въ тюрбанъ въ знакъ того, что просватала дѣвушку¹⁾. Существуетъ глубоко-древняя пословица: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Самая пословица могла возникнуть въ первыя времена христіанства въ Россіи. Древне, можно сказать, первобытно отмѣченное ею явленіе. Обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева входило въ древне-славянскій свадебный ритуаль, и свадебное вильце служило замѣной этого обычая въ зимнее время. Нечего, разумѣется, пояснять, что обрядовой пляской вокругъ зеленаго дерева не ограничивалось свадебное празднество, и хожденіе вокругъ дерева, нахо-

¹⁾ Klemm, Allgem. Kulturgesch. IV, 148.

дившееся въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ, нисколько не исключало обрядовъ солнечнаго культа.

Нерѣдко замѣчается на небѣ явленіе, что какая-нибудь звѣзда какъ будто идетъ рядомъ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяць, какъ его жена, сестра или товарищъ. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. Есть одинъ прекрасный народный рассказъ о братѣ и сестрѣ, нѣжно любившихъ другъ друга и потомъ разлученныхъ. Сестра, обратившись въ вечернюю звѣзду, повсюду ищетъ брата и плачетъ по немъ; она вѣчно орошаетъ поля своими слезами (роса), а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяць¹⁾. Подобный рассказъ только въ приложеніи къ солнцу и лунѣ распространенъ у разныхъ народовъ и нашель себѣ превосходное поэтическое выраженіе въ стихотвореніи Генриха Гейне «Солнечный закатъ» (одно изъ стихотвореній «Нѣмецкаго моря»): «Нѣкогда въ небесныхъ пространствахъ лучезарно свѣтили въ супружескомъ мирѣ и согласіи солнце—богъ и луна—богиня. Вокругъ нихъ весело толпились звѣзды, ихъ маленькія, невинныя дѣти. Злые языки вызвали раздоръ высокихъ и свѣтлыхъ супруговъ, и они враждебно разошлись. Днемъ проходитъ по небу въ одинокомъ величіи богъ-солнце, и гордые, жестокосердые люди возносятъ къ нему молитвы и слагаютъ въ честь его пѣсни. Ночью по небу шествуетъ луна, бѣдная мать, съ своими осиротѣвшими дѣтьми-звѣздами. Въ тихой грусти она свѣтитъ; влюбленныя дѣвушки и тихіе поэты посвящаютъ ей свои слезы и пѣсни. Луна, какъ женщина, неизмѣнно любитъ своего прекраснаго супруга. Вечеромъ, дрожащая и блѣдная, смотритъ она на него изъ-за прозрачнаго облака и, кажется, готова воскликнуть: «остановись! Дѣти тоскуютъ по тебѣ»; но упрямое солнце, при взглядѣ своей жены, краснѣетъ отъ гнѣва и грусти, и неумолимое спѣшитъ спуститься въ глубину воды на свое вдовье ложе»²⁾. Стихотвореніе это должно пояснить намъ родственныя ему по содержанію малорусскія народныя пѣсни. Такъ, я готовъ думать, что въ малорусской пѣснѣ:

¹⁾ *Терещенко*, Быть рус. народа. II, 573.

²⁾ *Heines*, Sämtliche Werke, XV, 223—225.

Ой ты, зирочко вечерняя,
Чому рано не зиходыла?
Чомъ мисяця не догоныла?

скрывается такая-же полнота содержания, какъ въ Гейновскомъ «Солнечномъ закатѣ».

Встрѣча мѣсяца со звѣздой въ малорусскихъ колядкахъ знаменуетъ имѣющийся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Ишовъ-перейшовъ мисяць по неби,
Та стрився зъ ясною зорѣю...

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится надъ дворомъ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), надъ его хатой:

У его хати дви радости буде:
Першая радость—сына женити,
Другая радость—дочку отдавати ¹⁾).

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроеніи земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
Ой упала звѣзда зъ неба, та й упала ясна,
Та на тое подвиренько, де дѣвчина красна ²⁾).

Въ Малороссіи мать невѣсты, отправляя новобрачнаго въ домъ мужа, даетъ ей въ покровители и проводники мѣсяць и звѣзду:

Отсе тобі проводничокъ
Ясный мисячокъ;
Отсе тобі проводничка
Ясна зирныця ³⁾).

Въ коровайной пѣснѣ:

Де-жь ты бувавъ,
Що ты чувавъ,
Святый короваю?
Бувавъ же я, чувавъ же я
Мисяця зъ зорѣю ⁴⁾).

¹⁾ Чубинскій, Труды Этн.-Стат. Эксп., т. III, стр. 415.

²⁾ Головацкій, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.» 1872 г., I, 471.

³⁾ Метлинскій, Южно-рус. пѣс., 225.

⁴⁾ Чубинскій, Труды Э.-С. Э. III, 463.

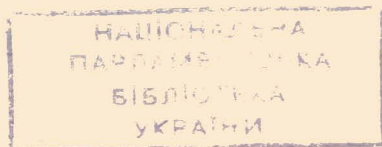
Подобнаго рода малорусскихъ пѣсенъ довольно много, и нельзя потому не признать, что древнее представленіе о брачной связи мѣсяца и вечерней звѣзды въ Малороссіи сохранилось отчетливо, въ силу поэтичности этого представленія.

Въ малорусской народной поэзіи мѣсяць иногда называется «перебирчикомъ», потому что любитъ перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный, нарушившій любовныя обѣщанія парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по мисяцю стоя» — не будетъ добра. Въ поясненіе этихъ и подобныхъ малорусскихъ пѣсенныхъ выраженій можно привести индусское и литовское объясненіе мѣсячнаго ущерба. У древнихъ индусовъ существовалъ такой рассказъ о любви луннаго бога Сомы ¹⁾ къ созвѣздію Рогини. У Праджапати было тридцать три дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ только одна сдѣлалась дѣйствительною женою Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратить зятю дочерей только съ условіемъ, чтобы тотъ раздѣлялъ брачное ложе поочередно со всѣми; но Сома по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла немочь. Древнеиндусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительной любовью къ созвѣздію Рогини въ литовской мифологіи съ незначительными измѣненіями выразилось въ сказаніи о брачной связи мѣсяца и солнца въ первую весну. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяць отдѣлился отъ него и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Церкунъ разгнѣвался на мѣсяць и разрубилъ его ликъ мечемъ ²⁾).

Обрядовымъ проявленіемъ древняго религіозно-мифическаго представленія мѣсяца и вечерней звѣзды супружеской парой является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновеніе отправлять новобрачную въ домъ мужа съ восходомъ звѣзды.

1) Культъ божества Сомы въ древней Индіи подробно разобранъ въ изслѣдованіи Д. Н. Овсянико-Куликовскаго «Опытъ изученія вакхическихъ культовъ индоевропейской древности» 1884 г. Здѣсь представлена характеристика Сомы, какъ божества экстаза, божества солнца и божества мѣсяца.

2) Сумцовъ, 0 свадеб. обряд., стран. 51 и слѣд.

Если по короваю, гильцу и остаткамъ вѣрованія въ супружескія отношенія свѣтилъ небесныхъ малорусская свадьба выдвигается изъ всѣхъ славянскихъ свадебъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы эти проявленія миѳологии не встрѣчались у сербовъ или чеховъ, а въ томъ, что они въ малорусской свадьбѣ сохранились гораздо полнѣе, то въ другихъ проявленіяхъ религіозно-миѳическаго міросозерцанія малорусская свадьба или стоитъ наравнѣ, или уступаетъ свадьбѣ великорусской, чешской, сербской, болгарской. Такъ, малорусское «колупаніе» печи невѣстой, находящееся въ связи съ древнимъ поклоненіемъ домашнему очагу, въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, съ гораздо болѣе отчетливымъ указаніемъ на поклоненіе печи встрѣчается въ свадьбѣ бѣлорусской, гдѣ на печи сидитъ особый пѣвецъ и поетъ таинственныя пѣсни, хлопая пироги о пироги, и въ свадьбѣ хорватской и сербской, гдѣ невѣста ходитъ около печи и дѣлуетъ печь. Малорусское обсыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ представляется явленіемъ общеславянскимъ, и съ характерной обрядностью оно совершается какъ въ южной, такъ и въ средней Россіи, а также въ Болгаріи. Подрѣзываніе у молодой косы или, что гораздо чаще встрѣчается, торжественно-обрядовое ея завиваніе—также явленіе общеславянское, съ особенной полнотой проявившееся въ старинное время въ Великороссіи. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣнка, каша, красныхъ лентъ—также явленія общеславянскія, причемъ каша въ особенности видную роль играла на старинной великорусской свадьбѣ.

Особенность малорусской свадьбы состоитъ въ томъ, что въ ней встрѣчаются въ большей или меньшей степени всѣ проявленія религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, причемъ проявленія наиболѣе торжественныя и поэтическія сохранились въ замѣчательной чистотѣ и отчетливости. Религіозно-миѳическіе элементы свадьбы главнымъ образомъ выразились въ обрядовомъ употребленіи и приготовленіи коровай, что собственно составляетъ главный актъ свадьбы. Наибольшей архаичностью отличается свадьба въ глубинѣ Малороссіи, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ. На крайнемъ западѣ малорусскаго племени, въ Галиціи, обнаруживается ослабленіе религіозно-миѳическаго элемента свадьбы.

Жестокое ошибется тотъ, кто, судя по религіозно-миѳической архаичности малорусской свадьбы, прійдетъ къ мысли, что въ

нравственно-культурномъ отношеніи малорусскій народъ отсталъ отъ другихъ славянскихъ народовъ. Архаичность его свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ стоитъ рядомъ съ проявленіями мягкости и нѣжности его семейныхъ отношеній, уваженія къ личности челоуѣка вообще, женщины въ частности. Въ немъ, напр., нѣтъ того рѣзкаго выраженія подчиненности женщины, какое удержалось отъ временъ дикости въ великорусской свадебной обрядности и выражается въ томъ, что отецъ, въ присутствіи жениха и родственниковъ, подходитъ къ своей засватанной дочери и даетъ ей пощечину. Ничего подобнаго въ малорусской свадьбѣ и быть не можетъ при той роли, какую занимала всегда въ семейной жизни малорусская женщина, при ея полной здѣсь равноправности, при значительной свойственной ей энергіи и предприимчивости, при женственной мягкости и чувствительности малорусса. «Однимъ махомъ дерево не можъ истяти», говорятъ малороссыяне при выдачѣ дѣвушки замужъ, и въ этомъ выраженіи уже обнаруживается признаніе нравственнаго достоинства личности женщины. Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ молодыхъ людей. Противъ воли здѣсь ни женятъ, ни отдаютъ замужъ. Дѣвушка договоръ родителей скрѣпляетъ своимъ согласіемъ, что, между прочимъ, выражается обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и женихова свата во время рукобитья:

Змовленная Марусенька

Положила билу руку на заруку ¹⁾.

По заключеніи брачнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи родня невѣсты, отецъ, мать, кто либо изъ близкихъ родственниковъ и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ ²⁾. Въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ, при всей его обрядовой архаичности, нѣтъ ни одной черты, оскорбляющей нравственное достоинство личности невѣсты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста не признается сохранившей дѣвственную честь, и потому она и въ особенности

¹⁾ *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсни, 124.

²⁾ *Кіевская Старина* 1883. II, 368.

ея родители подвергаются осмѣянію, въ послѣднее время, впрочемъ, сильно ослабѣвшему. Бракосочетаніе по взаимному согласію и любви жениха и невѣсты отразилось въ народной поэзіи веселой пѣсней. Невѣста нашла возможнымъ надѣяться на привѣтъ и ласку со стороны свекра и свекрови. Во всякомъ случаѣ она, отдаваясь любимому человѣку, съ увѣренностью могла выразиться въ пѣснѣ: «лучше миленькій, якъ братъ ридненькій».

Н. Ѳ. Сумцовъ.

1/08

250 -

233/018 12.04

A 500 m. 00c.

Въ **Петербургѣ** въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы» и «Новаго Времени» и въ **Харьковѣ** въ книжныхъ магазинахъ Хавкина

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Э. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. Э. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 3) Іоанникій Галатовскій. 1884 г. Цѣна 80 коп.
- 4) Иннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
- 5) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ. 1884 г. Цѣна 25 коп.
- 6) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 7) Религіозно-миѣнческое значеніе малорусской свадьбы. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 8) Обрядовое употребленіе хлѣба. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 9) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи исторіи. 1885 г. Цѣна ⁵25 коп.

РАСПРОДАНЫ:

- 1) Исторія колдовства въ Западной Европѣ. 1878 г.
- 2) О родинныхъ обрядахъ.
- 3) О свадебныхъ обрядахъ (магистерская диссертація).
- 4) Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Э. Квитки.

